

Введение

Настоящая работа имеет своей целью показать возможности ассоциативного эксперимента и представить материалы, полученные использованием данной методики в работе с учащимися средних учебных заведений Чувашии. Предполагается, что по результатам ассоциативных экспериментов может быть раскрыт и осознан некий фрагмент языковой картины мира, представляющий собой особый, выработанный народом на протяжении многих столетий способ восприятия и познания окружающей действительности.

Язык формирует личность и дает существовать его носителю во внешнем мире. Начиная с В. Гумбольдта и А. А. Потебни, об этом рассуждали многие известные и лингвисты, и философы мира.

Не важно, какой это язык, но любое человеческое восприятие мира в той или иной степени фиксируется в языке. Языковая картина мира в человеческом сознании постепенно, пока жив его носитель, создает временную базу физического и культурного существования. Наша задача — определить своеобразную языковую картину мира и охарактеризовать существующие мыслительные модели в чувашском пространстве.

В вопросе сохранения картины мира, относящейся к материнскому языку, большое значение, по нашему мнению, имеет изучение ассоциативных связей. Хочется удостовериться, действительно ли в большинстве своем люди видят мир совершенно по-разному, особенно когда это касается языковой картины мира своего родного языка. Именно с целью ее сравнительного изучения необходимо разрабатывать и проводить подобные эксперименты.

В настоящее время экспериментальный метод, на наш взгляд, является основным стержнем психолингвистического

исследования. В современной психолингвистике существует довольно развитая система методик и приемов анализа. Самым простым из них является ассоциативный эксперимент, имеющий дело с установлением ассоциативной связи между двумя объектами. В процессе ассоциирования индивида происходит усвоение жизненного социального опыта, его переработка и в последующем обособление индивидуального сознания [Белоусов, Блазнова 2005: 46; Филд 2012: 122, 124].

Использование в эксперименте в качестве стимулов слов и словосочетаний предполагает широкие ассоциации в рамках ментального или воображаемого мира ассоциации с обозначенными словами-импульсами. Мы понимаем, что невозможно разделить ассоциативную мысль и приходящие вслед за ней логику и устойчивые модули знаний, так как каждый индивид подсознательно хочет, пусть и анонимно, выглядеть лучше и не отделяться от коллектива. Этим, естественно, несколько скрадывается значение выполнения поставленной перед ним задачи. Несмотря на указанные риски, мы уверены, что в целом испытуемые справились с предложенными им заданиями.

Ассоциативный эксперимент является методикой, которая может быть применима к большому числу объектов, ибо ассоциативные реакции — это как сосредоточение сущностей, которыми испытуемые показывают, как они понимают данное слово, что за ним стоит [Маслова 2001:152].

Позволим себе привести здесь достаточно большую цитату из книги Зигмунда Фрейда, которая, как нам кажется, очень тонко объясняет суть и ценность присутствия в жизненном пространстве такого явления, как ассоциация. Этот пример часто приводил З. Фрейд в своих лекциях. «Двум не очень-то шепетильным дельцам удалось рядом очень смелых предприятий создать себе большое состояние, после чего они приложили массу усилий, чтобы войти в высшее общество. Среди прочего им казалось вполне целесообразным заказать свои портреты самому знаменитому и дорогому художнику, каждое из произведений которого считалось своего рода явлением. На большом вечере эти драгоценные портреты были показаны впервые. Хозяева подвели весьма влиятельного критика и знатока искусства к стене гостиной, на которой висели оба портрета, рассчитывая услышать от него мнение,

полное одобрения и удивления. Критик долго смотрел на портреты, потом покачал головой, как будто ему чего-то не хватает, и спросил только, указывая на свободное место между портретами: «А где же Спаситель?» Мы догадываемся, знаток искусства хотел сказать: вы — пара разбойников, подобных тем, среди которых был распят на кресте Спаситель» [Фрейд 2001: 22–23].

В языкознании имеется большое количество трудов, посвященных ассоциативному эксперименту. В частности, в одной из статей Г.А. Мартиновича даются теоретические основы проведения и оценки результатов подобных экспериментов. Автор уверен, что результаты исследований помогут выявить закономерности развития и организации лексикона отдельного человека и общие механизмы речевой деятельности людей, понять, какова при этом роль ассоциаций, их природа и статус [Мартинович 1989: 39–44]. В другой своей работе Г.А. Мартинович представляет к вниманию результаты комплексного исследования методом ассоциативного эксперимента. В этом эксперименте испытуемым предлагалось дать свои ассоциации в отношении существительного *береза*. В соответствии с полученными данными исследовались уровень отношений, существующих между содержанием слов-ассоциатов, непосредственных, опосредованных, синкретических и неопределенных реакций, уровень порождений ответов-реакций и уровень организации ассоциативного поля [Мартинович 1990: 93–99].

Статья Ю.Н. Караулова и М.М. Коробовой посвящена языковым возможностям в зеркале ассоциативного поля. В ней подробно описывается ассоциативный эксперимент и сопоставительный анализ двух ассоциативных полей на стимул *ходить*. Эксперимент проводился, с одной стороны, путем разового опроса большой группы лиц, с другой стороны, путем длительной (в течение одного года) фиксации реакций на стимул одного испытуемого. Сопоставление обоих полей дает интересные результаты. В статье приводятся состав полей и статистика, семантическая структура стимула *ходить*, реакции когнитивного и прагматического характера и другие характеристики сравниваемых полей [Караулов 1993: 16–31].

Л.А. Климова в своей статье изучает ассоциативное значение слов в художественном тексте. И хотя здесь не идет

речь об эксперименте, материал по структуре ассоциаций, который представлен автором, раскрывает большие возможности в отношении понимания природы ассоциативных взаимосвязей [Климкова 1991: 45–54].

В недавнем прошлом ассоциативный эксперимент был проведен В.И. Сергеевым и описан в монографии «Развитие лексической семантики чувашского языка (основные тенденции)» [Сергеев 1991]. Проверялась гипотеза полизначности слова *йывăç* «дерево». При этом В.И. Сергеев опирался на аксиомы А.Ф. Лосева: 1) значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста; 2) всякий знак может иметь неограниченное количество значений, т.е. быть символом [Лосев 1982: 61–64].

Опыт социолингвистического ассоциативного эксперимента описан в статье А.В. Кузнецова «Чуваши в современном мире: языковой портрет билингва» [Кузнецов 2012: 301–329]. В этом эксперименте принимало участие 100 человек из разных районов Чувашской Республики. Им было предложено 10 культурных констант, на которые необходимо было дать 5 ассоциаций. Культурные константы были следующими: *мать, отец, семья, Родина, честь, достоинство, уша юпи* (столб Уша), *поле/степь* и др. Интересно отметить, что среди опрошенных были и представители русского и татарского народов, постоянно проживающие среди чувашей и в определенной мере владеющие чувашским языком. Константы с более конкретными лексическими значениями — *мать, отец, семья, Родина, поле/степь* — практически не вызвали сложностей с ассоциациями, а более абстрактные и специфические понятия — *честь, достоинство, уша юпи* — заставили респондентов задуматься [Кузнецов 2012: 301–302].

Мы с согласия автора [Кузнецов 2012: 305–328] взяли результаты его ассоциативного эксперимента и представим пример с ассоциациями на слово-стимул *лес* — *вӑрман*:

	<i>йывăç / йывăçсем</i> «дерево, деревья» — 33
	<i>таса / уҫă сывăш</i> «чистый / свежий воздух» — 26
<i>вӑрман</i> «лес»	<i>кӑмпа, кӑмпасем</i> «грибы» — 19
	<i>тискер кайăксем, чӗр чунсем</i> «дикие животные, звери» — 14
	<i>сырла, сырласем</i> «ягоды» — 12

Как видим, такие образы, как «дерево, деревья», «чистый свежий воздух», «грибы», «дикие животные, звери», «ягоды» чаще всего возникали в ощущениях, представлениях и мыслях респондентов при упоминании о лесе. Для сравнения демонстрируем результат эксперимента полностью. В данной таблице в алфавитном порядке даны понятия, связываемые с константой *вӳрман* «лес».

Ассоциации	Количество
<i>акатуй</i> «праздник сева»	1
<i>арсури</i> «леший»	1
<i>вӳрман вӳййи</i> «лесные игры»	2
<i>вӳрмантйи кӳлӳ</i> «лесное озеро»	2
<i>вӳрттӳйлӳх</i> «таинственность; таинственное»	6
<i>вӳренӳ</i> «учеба»	1
<i>вутӳ</i> «дрова»	2
<i>вучах</i> «костер»	1
<i>илем</i> «красота»	3
<i>илӳртекен</i> «менящееся»	1
<i>йӳлӳм – Атӳл леш енчи вӳрман</i> «левобережье – леса за Волгой»	1
<i>йӳвӳс / йӳвӳссем</i> «дерево, деревья»	33
<i>йӳвӳс касни</i> «лесоповал»	1
<i>йӳвӳс тураттисем витӳр ӳкеекен хӳвел пайӳркисем</i> «солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву деревьев»	1
<i>йӳвӳс, тӳмӳ тата курӳк пӳрлӳхӳ</i> «сообщество деревьев, кустарников и трав»	1
<i>кайӳк юрри</i> «птичья трель»	3
<i>кайӳксем</i> «птицы»	4
<i>картун</i> «кордон»	1
<i>кӳмпа, кӳмпасем</i> «грибы»	19
<i>кӳмпалӳ-сырлалӳ вырӳн</i> «место с грибами и ягодами»	2
<i>кӳткӳсем</i> «муравьи»	1
<i>лаштра юман</i> «развесистый дуб»	1
<i>лӳйкӳлӳх, канӳслӳх</i> «спокойствие»	7
<i>мӳнаслӳх</i> «величие»	9
<i>палӳ марри</i> «неизвестное»	1
<i>пуянилӳх</i> «богатство»	7
<i>свежесть</i> «тасалӳх; уӳӳлӳх»	1
<i>серте</i> «сныть»	6
<i>сукмак</i> «тропинка»	2
<i>сыхланни</i> «настороженность»	1
<i>сӳлен</i> «змеи»	1
<i>сӳлсӳ</i> «листья»	9
<i>сӳлсӳ сасси / шавӳ</i> «шелест листьев»	11
<i>сӳлсӳсем ӳкни / тӳкӳнни</i> «листопад»	1
<i>сӳлла</i> «лето»	1
<i>сӳт сӳнталӳк</i> «природа»	11
<i>сӳнна пурӳнма вӳрентекен</i> «учитель людей жизни»	1

Продолжение таблицы

<i>сырла, сырласем</i> «ягоды»	12
<i>таса / уса сывайш</i> «чистый / свежий воздух»	26
<i>таса вырән</i> «чистое место»	1
<i>тасалӑх</i> «чистота»	2
<i>тасалӑх вырӑнӗ</i> «место очищения»	1
<i>тӑмана</i> «сова»	1
<i>тӗттӗмлӗх</i> «темнота»	1
<i>тискер кайӑксем, чӗр чунсем</i> «дикие животные, звери»	14
<i>улатакка</i> «дятел»	1
<i>утӑҫи</i> «сенокос»	4
<i>уҫланӑсем</i> «поляны»	9
<i>усен-тӑран, йывӑҫ-курӑк</i> «растения»	5
<i>хамӑр ял</i> «родная деревня»	3
<i>хӑлха</i> «уши»	6
<i>хӑрани, сехре хӑни</i> «страх»	1
<i>хӑрушӑх</i> «опасность»	2
<i>хӗвел</i> «солнце»	2
<i>хура</i> «чернота»	1
<i>хурӑн</i> «березы»	1
<i>хутӗ, хутлӗх</i> «защита»	2
<i>хырӑх</i> «сосновый бор»	1
<i>чечексем / ҫеҫкесем</i> «цветы»	8
<i>чун кантармалли вырӑн</i> «место успокоения души»	1
<i>шав</i> «шум»	6
<i>ырӑсем</i> «божества; духи»	1
<i>этеме нурӑнма пулӑшакан</i> «помогающий жить человечеству»	1
<i>юттипе тӗл пуласран хӑрани</i> «страх встречи с чужими»	1

Актуальной представляется и сопоставительная мотивология, которая изучает слова из разных языков в сопоставительном аспекте с точки зрения мотивированности. В результате подобного исследования использованием метода психолингвистического эксперимента может быть создан так называемый мотивационно-сопоставительный словарь [Савенко 2011].